

И. В. Гончарова, М. В. Друзин, М. В. Ковалева

В. Н. Гинев. Автобиография. Из писем

Год назад, 4 февраля 2025 г. ушел из жизни один из старейших сотрудников ЛОИИ — СПБИИ РАН, представитель молодой и славной когорты историков, принятой во вновь открытое в 1956 г. Ленинградское отделение Института истории АН СССР, доктор исторических наук Владимир Николаевич Гинев (1932–2025). Не будем здесь останавливаться на биографии ученого — историю своей жизни Владимир Николаевич прекрасно изложил сам, кроме того, основные ее вехи представлены в биографической статье Сергея Викторовича Куликова в «Летописи в лицах» на сайте СПБИИ РАН¹.

До последних своих дней Владимир Николаевич не прерывал связи с родным институтом: после официального расторжения трудовых отношений в июне 2018 г. он продолжал приходить на заседания Ученого совета, участвовать в научных конференциях под эгидой института. В феврале 2022 г. его 90-летие чествовалось торжественным расширенным заседанием Ученого совета, а в декабре того же года Владимир Николаевич сделал подробный доклад о своем учителе Сигизмунде Натановиче Валке на Ученом совете, приуроченном к 135-летию со дня рождения ученого. Кроме того, В. Н. Гинев по-прежнему общался с сотрудниками института, всегда был в курсе всех дел.

Не менее важным местом в жизни Владимира Николаевича оставался город Орел, где он провел свое детство и юность, за исключением времени эвакуации в годы Великой Отечественной войны. Здесь жила его мама. В начале 1990-х он начал читать лекции в Орловском государственном университете, а чуть поз-

же — руководить аспирантскими работами, выучив и воспитав целую научную школу из десятка учеников и учениц, большинство которых успешно защитили сначала кандидатские, а впоследствии — докторские диссертации. Со своими ученицами Светланой Владимировной Букаловой, Ириной Валентиновной Гончаровой и Мариной Вячеславовной Ковалевой Владимир Николаевич поддерживал дружеское общение практически до последних дней жизни. Они регулярно переписывались, созванивались, встречались, когда посещали Петербург, одним словом — не забывали друг друга. Когда после кончины В. Н. Гинева было решено подготовить в «Петербургском историческом журнале» раздел, посвященный Владимиру Николаевичу, то Сергей Викторович Куликов прежде всего предложил обратиться именно к его ученицам. Светлана Владимировна откликнулась мемуарным очерком, Ирина Валентиновна прислала автобиографический текст, которым в свое время с ней поделился Владимир Николаевич, а Марина Вячеславовна подготовила выдержки из писем В. Н. Гинева к ней за 2015–2024 гг., в которых хронологически продолжалась «автобиография» историка. Также редакция журнала обратилась к Алексею Юрьевичу Суслову с просьбой подготовить историографический очерк о научных исследованиях В. Н. Гинева, и Алексей Юрьевич с готовностью откликнулся на нее.

Далее несколько слов о публикуемых эго-документах Владимира Николаевича Гинева.

Перед читателем — не мемуары в привычном смысле и не выверенная автобиография, написанная «по итогам жизни». Это корпус автобиографических писем, созданных В. Н. Гиневым в феврале — марте 2016 г. и адресованных ученице, коллеге, человеку, которому он доверял не только как историку, но и как собеседнику. Они соединяют личное свидетельство, профессиональную рефлексию и живую память эпохи.

Эти тексты возникли не по внешнему запросу и не в расчете на немедленную публикацию. В них отсутствует нарочитая «самопрезентация», нет стремления подвести окончательные итоги или выстроить канонический образ собственной научной биографии. Напротив, письма сохраняют интонацию доверительного разговора, иногда — ироничного, иногда — горького, но всегда внутренне честного. Сам автор с присущим ему юмором замечал, что этот материал «может пригодиться для посмертной биографии», — и тем самым точно обозначил его подлинное предназначение.

Особая ценность этих автобиографических свидетельств заключается в тонкости восприятия эпохи, переданной без деклараций и оценочных схем. Через профессиональный опыт историка — работу в институтах, издательствах, диссертационных советах, взаимодействие с идеологическими и административными структурами — проступает живая ткань времени: научная повседневность, негласные правила, границы допустимого, формы давления и пространства относительной свободы. Это взгляд не внешнего наблюдателя, а участника, умеющего фиксировать происходящее без истерики и без самооправдания.

Для будущих исследователей эти тексты важны не только как источник по истории исторической науки или интеллектуальной жизни позднего СССР и постсоветского периода. Они ценны прежде всего как отражение профессионального сознания — пример того, как историк осмысляет собственный путь, не разрывая связь между личной биографией и судьбой дисциплины. Именно в этом качестве автобиографические письма В. Н. Гинева сохраняют свою актуальность и выходят за рамки частного воспоминания.

Публикация данного корпуса — это не жест памяти в узком мемориальном смысле. Это попытка сохранить голос поколения, для которого история была не только предметом исследования, но и пространством личной ответственности.

История жизни Владимира Николаевича из писем автобиографических перетекает в письма повседневные, которые, как дневник, зафиксировали последнее десятилетие жизни ученого со всеми его тихими радостями и невзгодами, страшными личными потерями. Адресованные другой своей ученице, они рисуют портрет автора как доброго, внимательного, заботливого и отзывчивого человека. Эти письма похожи на репортажи опытного оператора-документалиста: В. Н. Гинев с 1960-х гг. увлекался киносъемкой, был обладателем портативной кинокамеры, с помощью которой фиксировал как интересные ему события в жизни института, так и его многочисленные туристические походы и сплавы на байдарках с друзьями. Вот и в письмах он делает зарисовки из современной жизни института, обращает внимание на изменения в жизни своей страны, делится своими бытовыми проблемами. Встречаются там и мемуарные отступления, которые дополняют и расширяют написанное им в автобиографии. В своих письмах Владимир Николаевич почти никогда не падал духом, напротив — был полон иронии и оптимизма, а в сложных жизненных ситуациях пытался поддержать адресата. Активная переписка Владимира Николаевича с Мариной Вячеславовной продолжалась до января 2024 г. Дальше писала только она, а Владимир Николаевич отвечал по телефону, а потом оба перешли на телефон, так как у него ухудшилось зрение. «Мы говорили о том, как мы сидели в подвале во время авиационной и ракетной опасности, как вели себя дети и студенты, как люди настроены в городе. Он уверял, что мы не должны бояться и сомневаться в благоприятном исходе войны. Спрашивал, есть ли у нас настоящие убежища».

Автобиография и выдержки из писем В. Н. Гинева публикуются на основе сохранившихся в личных архивах И. В. Гончаровой и М. В. Ковалевой электронных писем Владимира Николаевича. Текст автобиографии В. Н. Гинева составлен и подготовлен И. В. Гончаровой. Выборка, подготовка текста и составление корпуса писем В. Н. Гинева произведена М. В. Ковалевой. Комментарии составлены М. В. Друзиным.

В. Н. Гинев. Автобиография

Родился 7 февраля 1932 г. в г. Свердловске (Екатеринбурге). Через несколько лет вместе с родителями переехал в г. Елец, тогда Орловской области (сейчас — Липецкой). Начало войны встретил в Ельце, затем был в эвакуации, сначала в Пензенской области, затем в Челябинской (г. Кыштым). Было довольно голодно, до сих пор помню, что суп из свекольной ботвы гораздо вкуснее, чем из морковной. Подспудное чувство голода оставалось еще несколько лет после того, как питание стало более-менее нормальным, потом это прошло.

Я вспомнил об обстоятельствах нашего отъезда в эвакуацию из Ельца летом 1942 г. Уезжали под бомбежкой. Помню, как сидел в неглубоком подвале, уткнувшись в бабушкин подол, а подвал трясло от падавших рядом бомб. В наш дом бомба не попала, попала в дом, третий от нашего. Во дворе стояла запряженная подвода, нагруженная домашним скарбом, мы должны были ехать на маленькую железнодорожную станцию в 20 км от Ельца и там грузиться в товарный эшелон. По дороге мы еще три раза попадали под бомбежки. Помню, как в последний раз, уже за городом, я лежал на вспаханном поле, рядом непрерывно стреляла батарея наших зениток. Я один раз быстро решился посмотреть на небо, оно было все в белых маленьких облачках от разрывов зенитных снарядов, а между ними медленно звеньями по трое проплывали немецкие бомбардировщики. Ни в одного не попали!

В 1944 г. вместе с мамой и бабушкой вернулся из эвакуации в Орел, жил вместе с отчимом, который был партийным работником, а затем доцентом в орловском пединституте, писал докторскую диссертацию о Гегеле, но закончить не успел, умер в 1965 г. Мама с 1944 до выхода на пенсию работала в пединституте на филфаке, доцент, читала курсы русской литературы XVIII–XIX вв. Первые несколько лет в Орле подпитывались огородом, который располагался недалеко за Троицким кладбищем.

10-й класс средней школы закончил в Орле в 1949 г. (серебряная медаль), в том же году поступил на исторический факультет Ленинградского гос[ударственного] университета, закончил в 1954 г. (диплом с отличием). В университете мне повезло: я стал специализироваться на истории России «периода капитализма», т. е. второй половины XIX — начала XX в., и моим основным учителем стал выдающийся историк, последователь дореволюционной петербургской исторической школы, дававшей приоритет скрупулезному изучению исторических источников, а потом уже концепциям — это был профессор Сигизмунд Натанович Валк (1887–1975). Впоследствии я старался передать навыки работы с историческими источниками студентам и аспирантам Орловского госуниверситета.

Лена Михайловна и я были однокурсниками, поженились на пятом курсе. Будучи идейными комсомольцами, отвергли предложение отца Лены устроить для нас оставление в Ленинграде и уехали по распределению работать школьными учителями на Урал. На месте получили направление на работу в г. Троицк

Челябинской области, в две разные школы. Работали с энтузиазмом и получали благодарную отдачу от неизбалованных провинциальных ребят, особенным успехом пользовалось преподавание Лены Михайловны. Один раз на летних каникулах устроили для группы старшеклассников самостоятельный туристский поход по горному Уралу. (Троицк, к сожалению, располагался в степной части Урала.) Так прошли два года. В декабре 1954 г. у нас родился сын. Лена Михайловна ездила на роды в Ленинград, через полгода, оставив сына на попечение своей мамы, вернулась в Троицк. Как сложилась бы наша жизнь в дальнейшем, неизвестно, но весной 1956 г. я получил от С. Н. Валка письмо, в котором он сообщал, что в сентябре будет прием в аспирантуру в Ленинградское отделение института истории. Я начал готовиться к приемным экзаменам.

Лето 1956 г. мы провели в Ленинграде и Орле. В сентябре Лена Михайловна уехала в Троицк, а я остался сдавать вступительные экзамены в аспирантуру. Сдал успешно. После этого мне сказали, что надо ждать утверждения результатов в Москве, поскольку ЛОИИ является отделением московского Института истории РАН. О результатах мне сообщат в Троицк. В Троицке продолжилось преподавание в школе и потянулись томительные дни ожидания известий из Ленинграда. Уведомление о моем зачислении в аспирантуру пришло только в декабре! Признаться, нам хотелось поскорее уехать в Ленинград, хотя 2,5 года жизни в Троицке, несмотря на бытовые трудности и кое-какие проблемы у меня на работе, оставили в целом положительные воспоминания.

Прямого поезда из Троицка в Ленинград не было, предстояла пересадка в Москве. Лена Михайловна рвалась к оставленному в Ленинграде маленькому сыну, но я ее все же уговорил оставить вещи на вокзале в камере хранения и заехать на пару-тройку дней в Орел. Ранним темным декабрьским утром мы буквально как снег на голову, совершенно неожиданно позвонили в дверь маминой орловской квартиры. Это была не та квартира, в которой мы с вами неоднократно встречались. Та квартира находилась на углу улиц Тургеневской и Октябрьской.

Наконец, мы приехали в Ленинград, и я приступил к занятиям в аспирантуре. Моим научным руководителем стал, конечно, С. Н. Валк. Еще в университете на старших курсах я занимался в спецсеминаре у Валка и потом писал диплом на темы истории общественной мысли в России во второй половине XIX в. (Герцен, Чернышевский, Шелгунов). Кандидатская диссертация продолжала эту тематику, перейдя с 1860-х гг. на 1870-е, т. е. на историю народничества. Сначала я хотел писать о Плеханове, но Валку это показалось по тем временам слишком острой проблемой. Остановились на истории народнического движения в провинции, там, где оно было наиболее интенсивным, конкретно — в Поволжье. Тема диссертации так и называлась: «Народническое движение в Среднем Поволжье. 70-е годы XIX века». Защита состоялась в 1964 г., в 1966 г. диссертация была издана в виде небольшой монографии. В значительной своей части работа была основана на документах московского архива (ЦГАОР, сейчас это ГА РФ).

После окончания срока аспирантуры, еще до защиты я и двое моих коллег по аспирантуре были зачислены младшими научными сотрудниками в штат ЛОИИ. С тех пор, с апреля 1960 г. и по сей день я работаю в этом институте и нисколько об этом не жалею. Сейчас это учреждение уже не «отделение» и не «филиал» московского «головного» Института истории СССР, затем России, а самостоятельный Санкт-Петербургский институт истории РАН (с 2002 г.)². В отличие от московского Института истории России³, у нас наряду с отделами по различным периодам российской истории есть отдел всеобщей истории, где работают специалисты по истории США, Византии, средневековой Европы, античному Причерноморью. Кроме того, есть ценный научно-исторический архив с документами по истории России, больше всего XVI–XIX вв. и документами по истории примерно 20 стран Западной Европы начиная с IX в.⁴ Этим архивом мне довелось заведовать 10 лет (1998–2008).

Кроме того, я стал заниматься политической историей 1917 г., написал главу в коллективном труде «Октябрьское вооруженное восстание. Семнадцатый год в Петрограде» (Л., 1967. Изд-во «Наука»). Ортодоксальные московские историки в «головном» институте готовили свои работы к пятидесятилетию Октябрьской революции⁵ и не хотели конкуренции со стороны более «либеральных» ленинградских коллег, к которым относились с подозрением. Но мы их усыпили названием нашего готовящегося труда. В Москве думали, что мы ограничимся только непосредственно восстанием, т. е. последними днями октября 1917 г., но, поскольку Петроград являлся столицей, то восстанию была посвящена только одна глава из 22, а в остальных рассматривалась политическая история всего 1917 г. Когда вышел в свет наш двухтомник объемом более 80 печатных листов, было уже поздно что-либо останавливать, оставалось только писать критические рецензии⁶. До сих пор посещающие время от времени наш институт иностранные историки, сравнивая изданное к юбилею Октября в московском институте и в нашем, прямо говорят, что написанное москвичами «невозможно читать», другое впечатление оставляет наш двухтомник. Конечно, он написан с марксистско-ленинских позиций, иначе в то время быть не могло. Но у нас много объективного фактического материала, поэтому эта книга не потеряла своего значения и в современных условиях. Впрочем, похвалы западных иностранцев ни тогда, ни теперь официальными инстанциями не приветствуются. А с другой стороны, если кого-нибудь из российских историков напечатают в солидном западном издании, это считается престижным, больше, чем в каком-либо ваковском журнале.

1970-е гг. были для меня, наряду с продолжающимися, в той или иной форме, исследованиями классического народничества 1870–1880-х гг., переходом к изучению так называемого «неонародничества» начала XX в., когда стали создаваться неонароднические политические партии: эсеров, левых эсеров, народных социалистов (энесов), эсеров-максималистов. Постепенно из этого получилась монография в 21,5 печатного листа под названием «Аграрный вопрос

и мелкобуржуазные партии в России в 1917 г.» (Л., 1977. Изд-во «Наука»). Время для «либеральствующих» историков было очень неблагоприятное, моя рукопись, поскольку наш институт все еще был московским отделением⁷, должна была проходить апробацию в Москве, а о том, что представляли собой наши московские коллеги, не все, конечно, но задающие тон, я только что объяснил. Короче, моя рукопись получила резко отрицательный отзыв. А она была послана в Москву уже в виде корректуры. Дело шло к тому, чтобы рассыпать набор. Редкое, вопиющее административное решение!

Но и в Москве нашлись влиятельные люди, которые этому воспрепятствовали. Конкретно рассказать обо всей этой закулисной истории я пока не решаюсь. Приведу только один пример. Одно из обвинений в мой адрес состояло в том, что я начинаю цитировать Ленина только с 242-й страницы. Удалось уговорить издательство уже в готовом наборе (а это был не компьютерный, а линотипный набор!) собрать все необходимые высказывания Ленина в одну специальную дополнительную главу. Ленин по-прежнему начинался с 242 страницы, но зато ему была посвящена особая глава. Это сняло с меня одно из обвинений. Меня хорошо поддержала администрация Ленинградского отделения. Книга все же вышла! По этому поводу один из московских критиков сказал, что нельзя издавать такие книги в год юбилея Октябрьской революции (1977-й). Подумав, добавил: «Впрочем, и во все другие годы тоже».

Через год после выхода подходящей для докторской защиты монографии можно было выходить на защиту. В те времена, в отличие от нынешних, защита не рукописи, а изданной монографии считалась предпочтительной. Плюс к монографии еще какое-то не регламентированное количество статей. О ваковских журналах ни одному администратору еще и не снилось.

Защита состоялась в октябре 1978 г. Голосование было единогласным. До 1978 г. все защищенные в Ленинградском отделении диссертации должны были дополнительно утверждаться в диссертационном совете московского института и уже от него идти в ВАК. Такая процедура гарантированно не пропускала мою диссертацию в ВАК. Но незадолго до моей защиты диссертационный совет Ленинградского отделения получил прямой выход на ВАК, минуя московский совет. В те годы ВАК уведомлял соискателей об их утверждении заблаговременно вложенной в пакет посылаемых в ВАК документов почтовой открыткой с адресом соискателя. Такую открытку Лена Михайловна получила в июле 1979 г., когда я был в очередном самостоятельном байдарочном походе, в тот раз по реке Керженец в Горьковской (Нижегородской) области. Известие об этом событии я получил от Лены Михайловны по телефону, когда по окончании похода несколько дней жил у знакомых в Горьком. Но с торжественным застольем пришлось повременить. Во время одного из таких застолий после защиты в академическом Ботаническом институте некий подвыпивший участник вышел на набережную небольшой речки Карповки, напротив института, наклонился и утонул. В результате ВАК запретил послезащитные застолья.

Некоторые диссертанты решались проводить их конспиративно. Но я решил вести себя благоразумно. Застолье состоялось не сразу после защиты, а только после того, как у меня в руках уже был докторский диплом. Ваковский запрет еще действовал, но отобрать врученный диплом гораздо труднее, чем просто не дать. Ко дню застолья мой университетский друг, армянин прислал с оказией из Еревана 15 бутылок марочного армянского коньяка. С тех пор он стал моим любимым алкогольным напитком.

После монографии о неонароднических партиях в 1917 г. я сразу начал готовить вторую монографию о тех же партиях, но в более ранний период: 1902–1914 гг. Она вышла в 1983 г., на этот раз беспрепятственно. На обе монографии были получены американские рецензии⁸, которые, наряду с критическими замечаниями, выделяли мои исследования из других советских работ на сходную тематику. Но я уже писал в прошлый раз, что это было не на пользу автору. Хорошо, что эти рецензии не попали в поле зрения моих недоброжелателей.

Вообще же 1980-е гг. прошли для меня под знаком большой работы над 12-томной «Библиотекой революционных мемуаров». Недавно я решил, что пришло время написать об этом небольшие воспоминания. Они должны быть опубликованы в мартовском номере «Петербургского исторического журнала»⁹, это издание нашего института. Пока же ограничусь несколькими маленькими цитатами и аннотацией.

«В конце 1978 г. в Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР пришел заведующий редакцией историко-партийной литературы Лениздата Игорь Юрьевич Куберский и попросил собравшихся сотрудников дать свои предложения по тем или иным темам, которые могли бы заинтересовать издательство. Высказал свою идею об издании серии мемуаров по истории революционного движения в России и я. <...> После одобрения моей идеи тогдашним главным редактором Лениздата мне было предложено подать письменную мотивированную заявку. <...> Я брал на себя обязанность найти составителей томов из числа известных мне историков, специалистов по соответствующему периоду революционного движения. <...> В мои обязанности входила координация работы составителей отдельных томов <...> вместе с составителями определять содержание томов, контролировать ход работы <...> проводить предварительное редактирование. Ну и, конечно, я наряду с составителями томов нес «ответственность за идейно-политическое содержание каждого тома». Всего к работе над «Библиотекой» было привлечено 10 докторов наук и 5 кандидатов». Аннотация: «Являясь ответственным составителем двенадцатитомной «Библиотеки революционных мемуаров», которую в 1980-х гг. выпустило издательство ленинградского областного комитета КПСС – Лениздат, автор повествует об истории возникновения и осуществления идеи «Библиотеки», о ее принципах, об отношениях с составителями отдельных томов, редакторами и партийными функционерами. Перед читателем вырисовывается колоритная обстановка, в которой приходилось работать историкам в последнее

десятилетие действия 6-й статьи Конституции СССР о руководящей роли КПСС в советском государстве и обществе. Статья написана на основе документов из личного архива автора.

Последний том «Библиотеки революционных мемуаров» вышел в 1989 г. 1990-е гг. и начало 2000-х отмечены участием в нескольких международных конференциях, проходивших в Петербурге, и одна, по народничеству преимущественно, в Германии. По результатам каждой впоследствии издавались сборники материалов («Реформы или революция? Россия 1861–1917», «Анатомия революции. 1917 год в России: массы, партии, власть», «Рабочие и интеллигенция в эпоху реформ и революций. 1861 – февраль 1917», «Gesellschaft als lokale Veranstaltung»)¹⁰. Кроме того, полтора десятка статей преимущественно по народнической и неонароднической тематике. Особо заслуживает быть отмеченным издание избранных трудов С. Н. Валка по историографии и источниковедению (ответственный редактор и один из составителей)¹¹.

Основной работой в период с 1998 по 2008 г. являлось заведование Научно-историческим архивом института. Что представляет собой Научно-исторический архив Санкт-Петербургского института истории РАН? Будущие фонды и коллекции архива начали складываться еще при Николае I, когда некоторые ученые историки того времени осознали, что для написания истории России не хватает источников, особенно местных, и предложили Академии наук организовать экспедиции для выявления старинных документов в монастырях, городских архивах, духовно-училищных библиотеках и доставления их в Петербург. Инициатор этого дела Павел Михайлович Строев за шесть лет, с 1829 по 1834 г., обследовал свыше 200 архивов в 14 губерниях и спас от гибели хранившиеся в подвалах без описей в сырости и холоде около трех тысяч историко-юридических актов в хронологическом диапазоне с 1340 по 1700 г. Эта коллекция Археографической экспедиции, или «Коллекция П. М. Строева»¹², хранится сейчас в нашем Научно-историческом архиве.

Археографическая комиссия Академии наук получила право просмотра и отбора старинных документов из архивов местных и некоторых центральных государственных учреждений, монастырей, библиотек, университетов. В ящиках с Урала были привезены кунгурские и соликамские акты. Затем стали поступать документы Новгородской казенной палаты, Олонецкой приказной палаты, документы из многих северных городов, Урала, Сибири. Материалы Якутской воеводской избы составили 1128 дел за 1638–1708 гг. Они были получены в 1840-х гг. от генерал-губернатора Восточной Сибири. К середине XIX в. объем фондов воеводских и земских изб XVI–XVII вв. и сменивших их губернских канцелярий составил 35 тысяч дел.

Кроме фондов, в Архиве хранятся тематические коллекции разного происхождения. Например, коллекция актовых книг: 150 переплетов, несколько тысяч актов, среди них акты Новгородского архиерейского дома за 1530–1706 гг. Коллекция рукописей Археографической комиссии среди прочих документов

содержит несколько летописей, в одной из них имеется список Пространной Правды Русской. Коллекция рукописных книг насчитывает 1260 единиц хранения. Интереснейший документ — найденная в 1901 г. писцовая книга Новгорода. В ней — перепись всех жителей Новгорода, топография и размеры жилых дворов и торговых мест, уцелевших после разгрома Новгорода Иваном Грозным.

Все вышеописанное — только отдельные разрозненные сведения о дореволюционных собраниях Археографической комиссии, вошедших затем разными сложными путями в состав нашего архива. К 1917 г. 85 фондов и коллекций Археографической комиссии содержали 63 тыс. единиц хранения.

У председателя Археографической комиссии С. Ф. Платонова были планы по развитию деятельности Комиссии, но в январе 1930 г. он и еще ряд ученых были арестованы по ложному обвинению в принадлежности к несуществующей антисоветской организации. Археографическая комиссия была преобразована в Историко-археографический институт с заданием собирать и издавать на основе марксистско-ленинской методологии материалы по истории народов СССР. Правда, вторым направлением работы созданного института предполагалась разработка вспомогательных исторических дисциплин. Этим воспользовались молодые сотрудники, которые являлись учениками арестованных ученых, и они продолжили научное описание ранее собранных материалов Археографической комиссии. Эти сотрудники, уже немолодые, были моими коллегами в 1960–1970-е гг. Они составляли золотой фонд работников нашего архива.

В 1931–1932 гг. в рамках Академии наук был осуществлен обмен фондами между архивами по принципу научной специализации. В Историко-археографический институт были переданы из Библиотеки Академии наук документы по социально-экономической и политической истории России, всего 32 тыс. единиц хранения. Среди них фонды походных канцелярий князя А. Д. Меншикова (8000 дел) и графа Б. П. Шереметева (1700 дел), коллекция подлинных документов Петра I — собственноручные письма и указы императора, его наброски строительных чертежей и рисунков; 2000 дел фонда графов и князей Воронцовых за 1474–1904 гг. (ценнейший источник по дипломатической и военной истории России). Есть фонд рода Михалковых (писатель Сергей Михалков и кинорежиссеры Никита и Андрей из этого рода).

Я еще забыл написать о том, что в середине XIX в. в Археографическую комиссию поступили документы почти из всех поволжских городов, из них самым обширным является фонд Астраханской приказной палаты (16 тыс. дел, преимущественно XVI–XVII вв.). В 10 фондах и коллекциях находятся документы по истории Украины (2600 дел), среди них архив Запорожской сечи XVII–XVIII вв. Для Украины это особенно важно, так как многие украинские архивы погибли во время последней войны. Кстати, в 2007 г. наш институт совместно с Петербургским университетом издал комплекс документов известного

украинского гетмана Ивана Мазепы¹³. Преимущественно это документы из нашего архива. Судя по тому, как прошла защита диссертации о Власове, и тогда, в 2007 г., по инициативе каких-либо «патриотов» мог подняться скандал, ведь и Власов, и Мазепа нарушили присягу, стали изменниками. А тут Институт истории публикует переписку Мазепы и Меншикова, подлинные бумаги Мазепы, им подписанные¹⁴. Но тогда все прошло спокойно, научно.

До сих пор речь шла преимущественно о различных государственных вариантах выявления и собирания исторических документов Археографической комиссией, сначала самостоятельно, а затем под эгидой Академии наук. Но был еще один важный источник собирательства ценных исторических документов — деятельность частных коллекционеров. Среди них первое место принадлежит академику Николаю Петровичу Лихачеву (однофамильцу более известного в широких кругах другого академика — Дмитрия Сергеевича Лихачева). Имея средства, Н. П. Лихачев в течение тридцати лет вел переписку и лично общался с рядом известных европейских букинистов и нумизматов. Будучи выдающимся специалистом в области дипломатики и сфрагистики, он неустанно выискивал интересные для него русские и особенно европейские исторические ценности. Его идеей было создание музея истории человеческой письменности начиная с шумерской клинописи (сейчас она в Эрмитаже) и кончая XX в., чтобы обучать молодых специалистов дипломатике не по снимкам из атласов, а по подлинным собранным Н. П. Лихачевым образцам. Коллекция Н. П. Лихачева состоит из более 20 тыс. рукописей, актов, автографов, печатей, относящихся к древней, средневековой и новой истории России и 20 стран Западной Европы. В русской части собрания более 600 рукописных книг, летописи, хроники, исторические повести, жития святых, древние евангелия, 1252 автографа выдающихся лиц, русских и иностранных. В европейской части, гораздо более обширной, наиболее древние единичные раритеты датируются VII и X–XII вв., в наибольшем числе представлены документы XIII–XVIII вв., особенно много итальянских (10 тыс.), среди них 550 папских булл. К автографам русской части надо прибавить 4000 итальянских автографов государственных, политических, военных, общественных деятелей, служителей церкви, ученых, литераторов, композиторов, музыкантов, художников — все это представляет собой одно из значительных мировых собраний. Все собранное выдающимся коллекционером помещалось в принадлежавшем ему трехэтажном особняке. Сейчас в нем располагается наш институт.

Собирательская деятельность Н. П. Лихачева была прервана мировой войной и последующей революцией. После революции единственной возможностью сохранить дом и коллекции от реквизиции стала передача их в апреле 1918 г. Археологическому институту. Коллекция Лихачева стала называться Палеографическим кабинетом, а Лихачев был назначен в нем хранителем. Н. П. Лихачев хотел, чтобы Кабинет был передан в Академию наук. Это осуществилось в 1925 г. Кабинет палеографии стал называться Музеем палеогра-

фии, Н. П. Лихачев был назначен его директором и был избран в академики. Но в 1930 г. он был арестован по сфабрикованному обвинению в принадлежности к антисоветской организации и затем сослан в Астрахань.

В первой половине 1930-х гг. происходили разные преобразования исторических учреждений — слияния, разъединения, переименования, то же и с коллекциями документов. Наконец, в 1936 г. в Москве образовался Институт истории Академии наук, а в Ленинграде — его отделение, т. е. наш институт. Совсем недавно мы широко отмечаем его 80-летие. Итак, в 1936 г. только что образованное Ленинградское отделение Института истории АН СССР получило все накопленные за сто с лишним лет Археографической комиссией исторические документы плюс документы из Библиотеки Академии наук и почти всю коллекцию Н. П. Лихачева в свое распоряжение. Так образовался Научно-исторический архив нашего института, имеющий сейчас статус научного отдела. По сравнению с архивами-гигантами — РГИА, ГА РФ, РГАДА он небольшой — всего примерно 250 тыс. единиц хранения. Но в нем, как я старался показать, много интересных материалов, и ежегодно в читальном зале выдают исследователям 10–12 тысяч дел.

Архив делится на две секции: русскую и западноевропейскую. Если русская секция сформировалась из документов разного происхождения, то западноевропейская почти целиком состоит из коллекции Н. П. Лихачева.

В 1998 г. в Архиве случилось ЧП: пропали несколько петровских документов. Они всплыли через некоторое время в одном букинистическом магазине. Вором оказался сотрудник читального зала, фаворит заведующего архивом. Последнему пришлось подать в отставку. Директор нашего института (тогда еще филиала московского) предложил мне занять неожиданно освободившееся место. Мне в то время было уже 66 лет, и по положению я не мог занимать руководящие должности, но тем не менее... Я согласился.

Перед тем как перейти к краткому рассказу о своей деятельности в качестве зав. архивом, надо сказать, что в нашем институте чтут память о Николае Петровиче Лихачеве. В читальном зале архива висит его портрет, перед входом в институт прикреплена мемориальная доска: «В этом доме с 1902 по 1936 г. жил и работал выдающийся историк академик Николай Петрович Лихачев».

10 лет заведования архивом были для меня напряженным периодом. Если до этого, будучи рядовым сотрудником, я, как и все остальные сотрудники, был обязан приходить в институт два раза в неделю к 14 часам и до 18 часов по так называемым присутственным дням (по остальным дням работа по индивидуальному графику) и, если не было заседаний, спокойно занимался своими делами в институтской библиотеке или своем отделе, то став заведующим, был вынужден непрерывно решать разные вопросы — с сотрудниками, приезжими и своими исследователями, с администрацией, с бухгалтерией. Не знаю, как сейчас, но тогда я договорился с администрацией института, чтобы деньги за копирование документов не передавались в общий институтский котел,

а расходовались только на нужды архива. Это обернулось еще одной головной болью. Но зато удалось пополнить архив несколькими компьютерами, принтерами, сканерами и даже копировальным аппаратом и хорошей цифровой фотокамерой.

В отличие от других отделов в архиве не было проблем с бумагой и другими расходными материалами. Вы, наверное, никогда не задумывались, что в архивах время от времени надо проводить обеспыливание. Архивные дела хранятся в картонных коробках разных размеров, сделанных из специальных сортов картона. В них они переложены специальной бумагой. Фонд картонов и бумаги надо было постоянно пополнять. На это тоже были нужны деньги, и на обеспыливание тоже, ведь без дополнительной оплаты архивные сотрудники не были обязаны этим заниматься. Недавно довелось услышать, что сейчас с деньгами на обеспыливание у института проблемы, а коробки на полках уже несколько лет не обеспыливались. У нас были периоды сотрудничества с финнами, венграми, с петербургским и петрозаводским университетами. С ними надо было вести переговоры, сочинять тексты договоров, а затем организовывать сотрудников на выполнение договорных работ. Хорошо, что финны и венгры за это платили, и деньги оставались внутри архива. Еще: раз в год проводить студенческую архивную практику. Это дополнительная нагрузка на часть сотрудников, а они стараются уклониться. Значительная часть документов нуждается в реставрации. В штате архива есть один реставратор, но он не справляется. Кстати, на его химические реактивы тоже нужны деньги. Дополнительно договариваешься о реставрации (разумеется, за оплату) с общеакадемической реставрационной лабораторией. Здесь, правда, помогли два гранта, данные на реставрацию: грант Петербургского научного центра и грант РГНФ. Но получить грант — тоже большая бумажная работа, а затем еще много отчетных бумаг. Были получены еще два гранта: Президиума РАН и, страшно сказать, от Сороса. Существует еще такая нелюбимая сотрудниками архивная работа: проверка наличия, заодно выявляются документы, нуждающиеся в реставрации. Я не смог настоять на тотальной проверке наличия в Западноевропейской секции (преодолеть пассивное сопротивление), и у меня до сих пор такое чувство, что там не все в порядке.

Продолжаю об архиве. Надо еще сказать, что архив был обязан периодически по разным поводам и датам устраивать тематические выставки своих документов. Устроить выставку внутри института не так сложно, но вот если совместно, например, с Эрмитажем или каким-либо другим учреждением, да еще в другом городе — требуется большая подготовка: акт о временной передаче документов, страховка, акты о состоянии документа при передаче и после возвращения, специальная упаковка, специальный транспорт, спецхрана при транспортировке, посылка работника архива, чтобы проследить, соблюдаются ли оговоренные условия экспозиции отправленных документов. Во все это приходилось вникать и контролировать.

Основной, сугубо архивной работой, является описание фондов, т. е. составление описей, по которым исследователи ищут необходимые им документы. Многие фонды в нашем архиве (да и в других тоже) имеют только инвентарные описи, в них указаны только примерное количество дел и даты, к которым относятся документы. Документы, имеющие только инвентарные описи, нельзя выдавать исследователям, поскольку листы в делах не пронумерованы. Составление описей — трудоемкая работа: надо сформировать и озаглавить дела, порой не имеющих даже инвентарных описей и находящихся в так называемой россыпи, измеряемой в метрах. Составленная опись обсуждается на заседании отдела (архива), может быть отправлена на доработку, после одобрения на отделе отправляется на утверждение курирующей институтские архивы в петербургских учреждениях Академии наук Петербургский филиал архива РАН. Только после этого опись и дела из этой описи можно выдавать исследователям.

В государственных архивах системы Росархива, где основной контингент — сугубо архивные работники с соответствующим образованием, не помышляющие о большой науке, там составление описей престижно. Не то в архивах при академических институтах: нашем институте истории, Институте русской литературы (Пушкинский Дом), Институте востоковедения и др. Сотрудники этих архивов считают себя научными работниками (да и действительно являются таковыми), и составление описей мешает им писать научные статьи, готовить диссертации и т. п. Поэтому составление описей идет со скрипом. В наш архив при моем содействии была принята только одна, причем пожилая, однозначная архивистка. Она считала своим долгом осуществлять проверку наличия и ЛЮБИЛА составлять описи. Она одна составила столько описей, сколько все остальные вместе взятые.

Кроме нелюбимой рутинной повседневной архивной работы (сюда еще надо добавить обслуживание исследователей: подбор заказываемых ими дел и затем обратную раскладку), есть в архиве работа, которую выполняют охотно. Это публикация архивных документов, составление и публикация каталогов. Так, в 2006 г. были изданы подготовленные несколькими сотрудниками архива письма и «подневные журналы» молодых братьев Демидовых, отправленных отцом, известным уральским заводчиком, в десятилетнее путешествие по Европе (1751–1761 гг.) для знакомства с европейской жизнью и усовершенствованием в горнодобывающем деле¹⁵. Письма братьев — это отчеты обо всем ими увиденном. 300 страниц писем и дневников плюс еще 150 страниц комментариев и указателей. Наверное, не стоит объяснять, какой это важный источник для изучения истории предпринимательства в России.

К двум публикациям имел отношение и я. В 2003 г. под редакций одного из сотрудников архива, доктора наук, и моей, вышел каталог имеющихся в нашем архиве документов о Петербурге в эпоху Петра I¹⁶. Четырьмя сотрудницами архива было выявлено 3952 документа, подлинники и копии XIX в. Ими же

были составлены указатели имен, географических названий и тематический. В 2008 г. по договору с венграми подготовили и издали каталог документов по истории Венгрии¹⁷, имеющих в архиве. Венгры заплатили нам за это 200 тысяч рублей. В процессе подготовки каталога мне удалось предотвратить недобросовестность одной из исполнительниц и частично заменить ее. Без этого мог разразиться нештучный скандал.

В 2003 г., в год трехсотлетия Петербурга, Санкт-Петербургский научный центр выпустил роскошное богато иллюстрированное подарочное издание «Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга». В нем есть статья и о нашем Научно-историческом архиве, написанная мной и еще двумя сотрудниками архива — «Российская и зарубежная история в документах архива Санкт-Петербургского института истории РАН»¹⁸. В августе 2008 г. вышли два пятилетних срока моего пребывания в должности заведующего архивом. Мне было уже 76 лет, и далее занимать административную должность было нельзя. Я вернулся в свой отдел истории России нового времени.

Итак, в сентябре 2008 г. я вернулся в тот отдел, из которого ушел на заведование архивом в 1998 г. Меня удивило и обрадовало, что за десять лет моего отсутствия мой стол никто не занял, и я сел на то же место, с которого ушел, и занял ту же должность — ведущего научного сотрудника. В советские времена вся тысячелетняя история России называлась историей СССР, соответственно, мой отдел назывался несколько странно — «отдел истории СССР периода капитализма». Сейчас он называется отделом новой истории России, хронологически от начала XIX в. до февраля 1917 г. включительно. Хотя в институте есть специальный отдел истории революций и общественных движений начала XX в., так что кое в чем мы пересекаемся, но сосуществуем мирно.

К моим занятиям историей народничества и неонародничества постепенно, с начала 2000-х годов, стала прибавляться еще одна тематика — история местного дореволюционного самоуправления, более узко — история политической борьбы в начале XX в. в правительственных кругах и в обществе за преобразование сословной крестьянской волости во всеобщую. По мнению одних, она должна была стать низшей административной единицей, другие, преимущественно либералы, доказывали, что необходима низшая земская единица, существовали и смешанные варианты. По всем трем темам периодически публиковал статьи, по новой теме участвовал в конференциях, организованных Музеем истории парламентаризма в России и проводившихся в Таврическом дворце — в исторических помещениях заседаний дореволюционных Государственных дум. На тему волости в 2009–2010 гг. имел даже исследовательский грант РГНФ для написания монографии, но успел написать только 8–9 авторских листов. Работу пришлось прервать из-за серьезной операции на сердце в мае 2010 г. Написанные листы отослал в виде отчета в РГНФ с присовокуплением медсправки. Санкций не было, но после 2010 г. по теме волости ограничивался публикацией статей. Сейчас собираюсь вернуться к монографии,

но уже, конечно, без гранта. Не возвращался раньше, потому что появилась возможность подготовить большую публикацию документов по истории народничества — о спорах о терроре внутри «Земли и Воли» и «Народной воли». Занимался этим в 2009–2012 гг. Документы по народничеству собирались периодически со второй половины 1960-х гг., но издать их по разным причинам не удавалось. Дело сдвинулось с мертвой точки, когда был заключен договор с ГАРФом. Имея грант РГНФ по истории волости, мог ездить в командировки в Москву и там в ГАРФе собирал документы и по волости (имею дома примерно 2000 ксерокопий), и дополнительно для сборника по народничеству. Для этого сборника удалось получить издательский грант РГНФ, и в декабре 2012 г. с удовольствием держал в руках объемистый том в 42 печатных листа¹⁹. Испытываю в связи с этим большое удовлетворение, потому что не пропал труд нескольких десятилетий собирания архивных материалов. Конечно, далеко не все собранные материалы вошли в изданный сборник, но оставшиеся в сделанных копиях отдам в институтский Научно-исторический архив, может быть, в будущем кто-нибудь сделает еще один или два сборника.

В декабре 2013 г. я попросил перевести меня на должность консультанта на 0,5 ставки. Меня это устраивало, так как избавляло от обязательных плановых заданий. Нынешняя моя должность называется «главный научный сотрудник-консультант». Но ее срок — три года, и кончается этот срок в декабре 2016 г., следовательно, в декабре я должен уволиться²⁰. Доканчивать монографию о волости придется уже будучи совершенно вольным человеком. Будет чем заняться.

Немного об эволюции моего отношения к КПСС и шире — к марксизму-ленинизму. Я уже писал о том, что, будучи идейными комсомольцами, Лена Михайловна и я по зову долга после окончания университета поехали по распределению на работу в школе на Урал. Когда умер Сталин, мы учились на четвертом курсе. И был у нас порыв немедленно ехать в Москву на похороны. Мы были настолько наивны, что отправили нашим московским родственникам телеграмму с просьбой занять нам очередь в колонный зал Дома союзов! К счастью, благоразумные власти отменили поезда на Москву.

Секретный доклад Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС нам прочитали на одном из закрытых собраний, когда мы еще жили и работали в Троицке, на Урале. Доклад произвел на нас сильное впечатление, и мы как-то сразу уверовали во все, что там разоблачалось. Но наша марксистская идеология не была поколеблена. Хотя кое-какие трещинки в ней появились еще в университете. Готовясь к семинарам, мы читали сочинения Ленина и Сталина, и писания последнего казались нам по сравнению со статьями Ленина примитивными и вторичными. Мы задавали соответствующие вопросы преподавателям, а они, бедные, изворачивались, как могли. С другой стороны, мы недоумевали, почему после 1930-х г. ничего нового теоретически значимого Сталин не написал. И вот когда появились, наконец, его послевоенные работы

«Относительно марксизма в языкознании» и «Экономические проблемы социализма в СССР», помню, у меня было такое чувство, что я присутствую при каком-то на глазах совершающемся историческом событии. И только по прошествии многих лет понял, что эти новоиспеченные труды классика марксизма-ленинизма были дилетантской пустышкой.

Но еще долго во многих головах оставался значимым и непогрешимым Ленин. Сталин все испортил, а у Ленина все было правильно. Во время перестройки и в начале 1990-х гг. были популярны и казались убедительными талантливые пьесы одного драматурга (вот забыл его фамилию, хотя на одну из его пьес написал рецензию в «Ленинградскую правду»), в которых Ленин идеализировался.

Правда, еще задолго до этого, в 1970-х гг., когда я был младшим научным сотрудником и занимался народничеством, видел, что некоторые высказывания Ленина о народничестве явно расходятся с фактами, но с этим как-то приходилось сосуществовать при раздвоении сознания.

До преподавания в ОГУ²¹ я по совместительству три года читал лекции и вел практические занятия по истории КПСС со студентами Ленинградского института инженеров водного транспорта. Это было в начале 1980-х гг. Я еще не сомневался в правильности марксистско-ленинской теории. Но мое преподавание, наверно, в чем-то выходило за рамки, за которые, конечно, никогда бы не вышли постоянные преподаватели истории партии. Я не делал это сознательно, это как-то выходило само собой. Так, например, рассказывая о принятии очередного пятилетнего плана и выполнении предыдущего, я перед этим брал в библиотеке подшивку «Правды» пятилетней давности, когда этот предыдущий план принимался, и сопоставлял цифры плана и его выполнения. И доводил до сведения студентов, что вот по таким-то показателям план выполнен, а по таким (довольно многочисленным) недовыполнен. Сегодня, задним числом, я понимаю, что если бы такое содержание моей лекции стало известно зав. кафедрой, то меня бы отстранили от преподавания, но тогда я как-то этого не сознавал. Но студенты, судя по некоторым их репликам, такие получаемые от меня сведения ценили.

Или еще такой случай. Однажды мой зав. кафедрой попросил меня прочесть за него одну лекцию. Тема — Октябрьское вооруженное восстание 1917 г. Я прочел, рассказав о всей сложности тех дней, когда победа большевиков отнюдь не была предрешена, когда Ленин и Троцкий спорили, когда начинать, и фактически восстание началось согласно плану Троцкого, считавшего, что надо дожидаться начала работы съезда Советов и т. п. Но оказалось, что я перепутал, и лекцию на эту тему как раз передо мной прочел зав. кафедрой, прочел, очевидно, ортодоксально, и студенты сравнили обе лекции и что-то сказали об этом зав. кафедрой. При встрече он налетел на меня с обвинениями, что я сознательно подрываю его авторитет. С трудом инцидент удалось уладить.

Преподавать в ОГУ меня пригласил Леонид Яковлевич Цехновичер²² в 1992 г. Он был тогда деканом истфака, пригласил меня читать спецкурс по народни-

честву. Но прежде чем перейти к рассказу о моей деятельности на орловском истфаке, несколько слов о моем расставании с КПСС. Во-первых, я вспомнил фамилию драматурга, который писал пьесы про Ленина. Это Михаил Шатров. А рецензию на его пьесу «Большевики» я писал в 1968 г. Эту пьесу привез в Ленинград московский театр «Современник». Она была частью трилогии, задуманную «Современником», чтобы выразить свое отношение к революционному процессу в России. Три пьесы трех разных драматургов — «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики» показывались последовательно три вечера. Билетов достать было невозможно. Мне дали их в редакции «Ленинградской правды», поскольку я согласился написать на эти спектакли рецензию (несколько более известных историков отказались, а мне очень хотелось посмотреть эту трилогию). Для своего времени все эти пьесы были новаторскими, смелыми. Только сейчас видны некоторые их концептуальные слабости, даже неверности. А тогда я попал в сложное положение. Редакция «Ленинградской правды» ждала от меня разгромной критики трилогии, мне этого делать не хотелось. С большим трудом после шестичасовой дискуссии в помещении редакции газеты удалось согласовать компромиссный вариант рецензии²³. Руководство и актерский коллектив «Современника» так и не узнали, какая вокруг их гастролей в Ленинграде шла борьба. Некоторое время спустя из журнала «Вопросы истории КПСС» мне прислали на отзыв ортодоксально негативную рецензию на «Большевиков» Шатрова. В чем там автор усматривал антибольшевизм драматурга? В пьесе действие разворачивалось после покушения Каплан на Ленина. Раненый Ленин виртуально присутствовал где-то за сценой, а на сцене за столом сидели народные комиссары и два с лишним часа вели мастерски, захватывающе выписанный спор о том, следует ли объявлять красный террор в ответ на террористический акт эсеров. Дискуссия захватывала зрительный зал, держала в напряжении. Как известно, в реальности красный террор был объявлен. Но критик Шатрова негодовал, почему автор пьесы вывел колеблющихся наркомов. Без всяких споров, которые Шатров выдумал, надо было показать, что решение о красном терроре было принято решительно и сразу. На нескольких страницах я приводил свои доводы в защиту Шатрова, где-то в моих бумагах сохранился этот мой текст. Наверное, не столько мои контрдоводы, сколько общая обстановка в стране (время было хоть и застойное, но не столь кроважидное, как иные времена) возымела действие, рецензия против Шатрова в «Вопросах истории КПСС» не появилась, а мне, помнится, прислали 22 руб. гонорара²⁴.

Наверное, меня можно квалифицировать как либеральствующего члена КПСС. В этой партии я состоял 25 лет, ряд лет был членом институтского партбюро, даже замом секретаря по идеологической работе. Но выход из партии произошел сразу без колебаний в дни путча ГКЧП. Тогда же произошло и быстрое освобождение от обязательных догм марксизма-ленинизма. Я стал историком, основывающим свои выводы только на изучении исторических источников без оглядки на какие-либо руководящие цитаты.

Итак, с Л. Я. Цехновичером я был знаком еще с университетских времен, он был старше на два курса, мы сошлись как «земляки», орловцы. И после университета, когда я приезжал в Орел проводить маму, мы каждый раз встречались. В 1980-х гг., не помню, в каком именно году, Цехновичер как декан истфака организовал в Орле всероссийскую конференцию по проблемам истории непролетарских партий в России²⁵, я участвовал в этой конференции. Сначала у меня был один 30-часовой курс по истории российского народничества: «От Герцена до Чернова». Последний, как известно, был одним из лидеров эсеров, 5 января 1918 г. председательствовал в однодневном Учредительном собрании. Потом постепенно спецкурс перестал уместиться в 30 часов, и, по моей просьбе, Цехновичер разрешил разделить его на два спецкурса по 30 часов каждый, в первом и втором семестрах. В первом семестре 15 лекций были посвящены классическому народничеству 1860–1880-х гг., во втором — 15 лекций об эволюции теории народничества в начале XX в. и о деятельности неонароднических политических партий в 1901–1918 гг. и коротко до конца Гражданской войны. Вскоре я почувствовал, что мне необходима обратная связь со студенческой аудиторией, и я выговорил себе еще по два практических занятия в каждом семестре дополнительно к лекциям. Важно было дать студентам хотя бы первоначальные навыки работы с историческими источниками. Для этого давалось некоторое количество документов, которые надо было конспектировать и ответить на мои вопросы по содержанию этих документов. Поощрялись дискуссии, обоснование различных мнений и оценок, пусть несогласных с моими, но обязательно опирающихся на знание фактического материала.

Так, студенты спорили, правильно ли поступили присяжные заседатели в 1878 г., оправдав Веру Засулич, стрелявшую в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова, незаконно приказавшего наказать розгами политического заключенного. Об этом я написал даже небольшую статейку под названием «Оправдали бы современные студенты Веру Засулич? Из опыта чтения спецкурса по истории народничества» (История глазами историков. СПб.; Пушкин, 2002. С. 18–23).

В 1888 г. один из руководителей «Народной воли» Л. А. Тихомиров разочаровался в революции и написал брошюру «Почему я перестал быть революционером». Она была издана за границей. Ветеран народнического движения, тоже живший в эмиграции, П. Л. Лавров, твердо остававшийся на революционных позициях, написал и издал ответ Тихомирову. Студенты должны были прочитать обе брошюры и обоснованно решить, кто был прав. Во втором семестре надо было сравнить две аграрные программы: большевистскую и эсеровскую. Что касается лекций, то я читал их свободно, имея перед глазами только план-конспект, в который иногда заглядывал, чтобы что-нибудь не забыть и соблюсти последовательность изложения материала.

За время работы в ОГУ под моим научным руководством защитились и были утверждены ВАК 10 аспирантов. Еще двое защитились раньше в Санкт-

Петербургском институте истории РАН. Из десяти аспирантов-орловцев у шести темы были связаны с историей Орловской губернии в разные периоды: «Орловская городская дума XVIII — начала XX в.»; «Губернское ведомство МВД второй половины XIX — начала XX в.»; «Земские начальники в Орловской губ[ернии] 1889 г. — начало XX в.»; «Крестьянское движение 1905–1907 гг.»; «Орловская губ[ерния] в годы Первой мировой войны»; «Особенности НЭПа в Орловской губ[ернии]». Три диссертации были посвящены проблемам народничества; одна — одному из петербургских кадетских корпусов. Два или три аспиранта по моему представлению были отчислены вследствие неудовлетворительности их работы. Вызывает удивление тот факт, что все защитившиеся аспиранты стали работать по своей специальности.

Самое ценное в процессе написания диссертации, когда аспирант при небольшой подсказке руководителя или даже самостоятельно определяет общие и частные задачи своего исследования и пути их достижения. Также очень ценно, если он вносит элемент источниковедения и дает не только обзор используемых источников, но определяет их достоверность и презентативность. Но это бывает редко. Хорошо уже то, если после некоторых направляющих указаний аспирант в состоянии их выполнять более или менее самостоятельно. Но бывало и так, что приходилось совместно работать почти над каждой страницей текста. Еще: таблицы и их связь с основным текстом, сноски, не путать литературу и источники и т. д.

Со всеми аспирантами (за исключением отчисляемых) складывались нормальные рабочие отношения. Но с одними получались более близкие личные, с другими — более формальные. С одними связь сохранилась до сих пор, другие улетели из гнезда, но при случайных встречах здороваются приветливо. Есть одно исключение, но об этом не хочется говорить.

Вообще о работе в Орловском университете, несмотря на отдельные негативные эпизоды, вспоминаю с удовольствием, а Орел по-прежнему остается, наряду с Петербургом, моим родным городом. Если была бы финансовая возможность, то не продавал бы я мамину квартиру и приезжал бы в Орел раза два в год, даже не работая в университете.

Заканчиваю свою биографическую исповедь. Если ничего из нее не удастся напечатать, не огорчусь, мне доставляет удовольствие сознавать, что мой текст находится в хороших дружественных руках. В связи с тем, что вы, Ира, сейчас зав. кафедрой туризма, сообщаю, что в свое время совершил более двадцати самодеятельных байдарочных походов по речкам и озерам Ленинградской, Вологодской, Псковской, Архангельской областей, Карелии, Урала, притокам Енисея в Саянах и самому Енисею до Саяно-Шушенской ГЭС.

Мне осталось только переслать вам текст моих напечатанных воспоминаний о том, как создавалась «Библиотека революционных мемуаров».

Всего хорошего. Какие у вас новости? В. Н.

Из личного архива И. В. Гончаровой

В. Н. Гинев. Из писем к М. В. Ковалевой

9 марта 2015 г. Читальные залы Публичной библиотеки в Петербурге сейчас почти пусты. Наверное, чтобы двигать науку, достаточно интернета. В прошлом году я с Леной Михайловной побывал в Японии. Посылаю Вам фотобукет цветущей сакуры.

1 мая 2016 г. Хорошо, что вера в светлое будущее вас не покидает. Особенно это уместно в день Пасхи. Вы верите, что персики в Мценске принесут съедобные плоды? Вы не перестаете верить, что не напрасно сеете доброе, вечное, отмечая день Шекспира в вашей неразвитой и хулиганской школьной аудитории. Честь Вам и хвала! Как я понял, одно светлое будущее для Вас настанет совсем скоро, когда в мае вам выплатят полную зарплату. Но она составит $5800 \times 2 = 11\,600$ руб. В одном из предыдущих писем Вы писали, что привыкли к жизненному стандарту выше среднего (мценского стандарта?). Разве 11 600 руб. обеспечивает этот стандарт?

17 мая Лена Михайловна и я приезжаем в Орел, на неделю. Приезжаем по печальному поводу — на годовщину смерти моего друга, мы дружили с 8-го класса школы. На сами похороны в прошлом году я не смог приехать, был болен. Квартиры своей в Орле у нас теперь, как вы знаете, нет, остановимся у приятельницы.

16 мая 2016 г. Спасибо за поздравление с днем Победы. война коснулась меня тем, что два раз пришлось пережить немецкие бомбежки в Ельце, затем полуголодное житье в эвакуации.

Бессмертный полк в Петербурге был тоже впечатляющим, но я видел его только по телевизору. Лене Михайловне было бы тяжело ехать в центр города.

8 марта 2017 г. В феврале отметил свой юбилей — 85! Радуюсь, что он уже состоялся, на работе и в семейном кругу, а до следующего еще не скоро. Напишите, если есть настроение, какие у Вас проблемы и как Вы их преодолеваете.

17 апреля 2017 г. Ну, а у нас в Питере свои проблемы — Вы, наверное, о них слышали. Проблемы в Академии наук, попытка подчинения знаменитой Публичной национальной библиотеки московской гос[ударственной] библиотеке, попытка коммерческой застройки охранной зоны Пулковской обсерватории, намерение передать Исаакиевский собор церкви. Я даже ходил на митинг протеста по этому поводу.

В юбилейный год великой российской революции наш институт, конечно, не стоит в стороне от этого события. В мае будет у нас научная конференция с участием историков из разных городов. 50 лет тому назад волею обстоятельств мне пришлось написать рецензию в «Ленинградскую правду» на спектакль «Большевики» московского театра «Современник» по пьесе М. Шатрова. Вспомнив об этом, я написал текст, озаглавив его — «Революция и нравственность в исторической памяти». Посмотрим, что будет дальше.

24 сентября 2017 г. Спасибо за поздравление с Днем учителя. Приятно, когда об этом дне напоминают ученики. Но ваше поздравление я прочел только два дня тому назад, поскольку был в отъезде. Все прохладное и дождливое прошедшее лето я провел в городе, писал статью о волостных выборах в 1917 г.²⁶, ее надо было закончить к концу сентября. Закончил и «вдруг» спонтанно решил поймать кусочек настоящего лета. Две недели в начале октября Лена Михайловна и я провели на солнечном Кипре. Отпуск мой продолжается, и, наверное, еще две недели в ноябре мы проведем в пансионате под Петербургом.

А Вы все продолжаете описывать в стиле абсурда жизнь мценских бюджетных интеллигентов. Впрочем, и у нас есть кое-что в этом духе. Во исполнение указа президента о повышении в два раза зарплаты научным работникам (в отсутствие соответствующего дополнительного финансирования) в некоторых институтах придумали остроумный выход: перевели сотрудников на полставки с сохранением прежней зарплаты. Понимаете, в чем фокус?

2 января 2018 г. Подивился вашему фольклорному восприятию «Легенды о Коловрате». Вряд ли я пойду смотреть этот фильм. Но, может, это действительно сильное патриотическое произведение, если мценские зрители забыли есть свой попкорн.

Ваш и без того широкий кругозор заметно расширился после ночных просмотров корейских фильмов. Вы теперь знаете, как изготавливать фарфоровую посуду. А я просто подарил Лене Михайловне на Новый год фарфоровую чайную чашку австралийского происхождения.

15 мая 2018 г. Когда началась война, наша семья жила в г. Ельце, тогда Орловской области. Елец был занят немцами только на пять дней, в эти дни мы были в деревне недалеко от города, и немцы туда не успели зайти. Поэтому я мог с чистой совестью писать во всех послевоенных анкетах, что на оккупированной территории не был. Это был очень важный пункт в анкете. Но через полгода, летом 1943 г. мы эвакуировались из Ельца, так как были сильные бомбежки и угроза нового немецкого наступления. Доехали в теплушках до Пензенской области, поселили нас в татарской деревне под названием Могилки. Там я окончил четвертый класс. Жил я с бабушкой, дедушкой и второй семьей отца. Бабушка, чувствуя приближение смерти (рак), написала моей маме, которая была в эвакуации на Урале, чтобы она приехала за мной, и она приехала. В городе Кыштыме Челябинской (Свердловской?) области я окончил пятый класс. Жили впроголодь. Но тут освободили Орел, и мамин муж, партийный работник, вызвал нас туда. С тех пор, с шестого класса я — орловец.

12 июня 2018 г. Из бывших моих аспирантов у меня эпизодическое электронное общение с Гончаровой (недавно ее муж получил утверждение ВАК в докторской степени), с Оксаной Аверичевой и Светланой Букаловой. Но Вы — моя самая неперемнная постоянная корреспондентка. Это приятно.

Что за монографию Вы собираетесь писать во время летнего отпуска? Какая тема? Это Ваше свободное творчество или производственное задание?

Кто будет финансировать издание? Видите, сколько вопросов — хватит на следующее ответное письмо.

А я с июня уже не работающий пенсионер. Конечно, связь с институтом не прервется, я получу статус «ассоциированного члена», смогу участвовать в научных заседаниях, пользоваться институтской библиотекой. Кроме того, остаюсь членом диссертационного совета. На днях закончил подготовку к изданию сборника своих избранных статей; должен выйти в конце августа — начале сентября. Июль с Леной Михайловной собираемся провести в пансионате ветеранов науки под Петербургом.

1 сентября 2018 г. Судя по вашим описаниям учебного процесса в Мценске, Вы заслуживаете звания учителя-стратотерпца. И в отпуске Вас не покидают превратности. Искренне сочувствую.

В июле Лена Михайловна и я три недели провели в пансионате ветеранов РАН под Петербургом. Но Лена Михайловна сейчас стала передвигаться с трудом, и поэтому мы не выходили за пределы сквера при пансионате. 10 сентября собираемся на две недели поехать в Брест, нас настоятельно приглашали мой брат (по отцу) и его жена. Они живут в 15 км от Бреста в двухэтажном кирпичном коттедже с большим участком — 40 соток. При хорошей погоде будем в этих пределах дышать свежим воздухом.

Подводя итоги своей научной деятельности, я решил собрать воедино и переиздать два с лишним десятка своих статей, которые, на мой взгляд, еще представляют какой-то научный интерес. Сборник должен выйти в сентябре. Я хочу один экземпляр подарить Вам — пришлите свой почтовый адрес.

2 сентября 2018 г. А в Бресте я бывал не помню сколько раз, наверное, несколько десятков. Мои родители разошлись еще до войны, когда мы жили в Ельце. После войны отец перебрался в Брест, преподавал математику в тамошнем пединституте, а я к нему ездил, сначала из Орла, потом из Ленинграда-Петербурга. В Бресте родились два моих брата, там и отец похоронен. В Брестской крепости сначала все было нетронутым, она была такой, какой сохранилась после освобождения Бреста, но потом, к сожалению, из нее сделали казенный мемориал. И на Бресте первые послевоенные годы был заметен некий полузападный облик; сейчас это утрачено. В Бресте мы гостили в позапрошлом году и вот снова собираемся ехать. Может быть, в последний раз.

27 октября 2018 г. На какую часть ставки Вы работаете и сколько получаете в абсолютных цифрах? Какая пенсия у Вашей мамы? Это я к тому, чтобы представить, на какую сумму в Мценске можно только с трудом выживать. Я уже писал Вам, что с июня нахожусь в статусе неработающего пенсионера. У меня и Лены Михайловны только три основные статьи расходов: питание, коммуналка, лекарства. Одежду носим, какая есть; для дома только, если что надо ремонтировать, крыша в это число не входит. Поэтому наших пенсий в обрез, но пока хватает. Пока нет каких-либо чрезвычайных обстоятельств со здоровьем и пр.

Поездкой в Брест остались довольны, погода была хорошая, с родственниками тоже хорошо пообщались. Но в Брестскую крепость не ходили.

Сборник моих избранных статей вышел, теперь надо мобилизоваться и пойти на почту, где большие очереди.

Пока всего хорошего. «Денег нет, но вы держитесь!». Владимир Николаевич.

7 ноября 2018 г. Сегодня отправил Вам свой сборник. Сообщите, пожалуйста, ста о получении.

2 января 2019 г. У нас тоже довольно много снега, но температура около нуля, поэтому слякоть, сырость, настоящая зима пока не наступила. На работе разные нововведения: «эффективный контракт», трудовые срочные договора, публикация статей в определенном количестве должна быть только в определенных журналах (статьи в наших институтских академических сборниках, получается, не в счет), плюс укрепление трудовой дисциплины и т. д. Я доволен, что все это теперь меня не касается. Но по инерции наукой немного занимаюсь. В декабре участвовал в конференции, посвященной двухсотлетию со дня рождения императора Александра II²⁷.

9 января 2019 г. Посмотрел присланные фото и прочел поэтическое описание вашей новогодней лесной прогулки. В один из ноябрьских дней я посетил с фотоаппаратом петербургский Центральный парк²⁸. Не могу так же поэтично описать свою прогулку, просто посылаю три фотографии, объединенные общим названием «Грустное предзимье».

К вопросу о мизерных пенсиях и срочных трудовых договорах. В 2014 г. я совершенно добровольно попросил перевести меня на полставки и одновременно дать статус консультанта. Это избавляло меня от составления и выполнения индивидуального научного плана. Меня предупредили, что в этом случае со мной заключат трудовой договор на три года. До этого я, как и все остальные научные сотрудники на сегодняшний день, был на бессрочном договоре с формальной переаттестацией каждые пять лет. Через три года мне, по моей просьбе, продлили договор еще на один год. Когда год прошел, снова продлили, но только на полгода. До 2 июня 2018 г. Сейчас я так называемый «ассоциированный сотрудник» — без научного плана, но и без зарплаты. Имею право участвовать в научных заседаниях и пользоваться институтской библиотекой. Желательно кое-что опубликовать. Будучи консультантом, не имея обязательного плана, я тоже кое-что писал и публиковал (см. библиографию моих трудов за 2014–2018 гг. в Сборнике²⁹).

За весь период моей работы на трудовом договоре я не имел ни одного дня перерыва в трудовом стаже, хотя это для меня не имело значения. А вообще — влияет ли сейчас непрерывность стажа на размер пенсии? По-моему, важен только общий стаж и уровень зарплаты. Но непрозрачная и хитрая балльная система устроена так, что даже при большой зарплате и большом стаже пенсия не превышает 13–14 тысяч рублей. А при не к ночи будь помянутой советской власти пенсия рассчитывалась более справедливо. Можно было выбрать

из своего трудового стажа пять лет подряд, когда заработок был наибольшим, и от него, не помню по какому проценту, назначалась пенсия. Я еще застал это время. Потому моя пенсия вчетверо больше, чем сегодняшняя социальная. Но все равно этого мало при резко возросших расходах на лекарства и мед[ицинские] услуги.

Такие вот дела... Пока, всего хорошего. «Денег нет, но вы держитесь». Владимир Николаевич.

8 марта 2019 г. Спасибо за поздравление с Днем Красной, Советской, Российской армии? Нет, теперь, кажется, просто с Днем защитников Отечества. В свою очередь от имени лейтенанта запаса поздравляю Вас с женским праздником. По-настоящему в армии служить мне не пришлось, вызывался только на городские двухнедельные учебные сборы. Но один раз пришлось побывать на полевых полуторамесячных учениях, даже месяц командовать взводом. Во время маневров усвоил: главное со своим взводом не заблудиться.

Держать верный курс по жизни вообще не легко...

21 мая 2019 г. Спасибо за оба Ваши поздравления, но второе я прочел только после выписки из больницы (был сердечный приступ). 8 мая хотел послать Вам поздравление с днем Победы, но как раз в этот день и попал в больницу.

24 августа 2019 г. А у меня большое несчастье: в конце мая у Лены Михайловны произошел инсульт. Три недели она провела в больнице, сейчас дома. Купили специальную медицинскую кровать, помогает сиделка. Она в сознании, все понимает, но парализована правая рука и правая нога, нарушена речь — может произносить только отдельные слова. Почти все мое время посвящено уходу за больной. Такие вот невеселые дела.

9 марта 2020 г. Спасибо за поздравление с «мужским» праздником, в свою очередь поздравляю Вас с женским. А еще вчера получил от Вас очередной обстоятельный репортаж о ваших боевых буднях. Отмечание международного женского дня начиналось как символ борьбы женщин за свои социальные и трудовые права. Желаю Вам успешно продолжить эту традицию! Присылайте и дальше свои «отчеты», если это дает Вам хоть какую-то разрядку. А я, может, как-нибудь все их соберу из компьютера, распечатаю и помещу в свой личный архив, который, возможно, со временем попадет в архив нашего института, когда-нибудь его опишут, и тем самым Вы попадете в ИСТОРИЮ. А какой-нибудь аспирант использует Ваш материал для своей диссертации по истории российской провинциальной повседневности двадцать первого века в образовательной сфере.

Всего Вам хорошего! Владимир Николаевич.

20 апреля 2020 г. На вопрос «как дела?» я выработал долгоиграющий ответ: «На сегодняшний день и час все нормально». А что будет еще через час — неизвестно.

11 мая 2020 г. В начале этого года была проведена отчетно-научная конференция: каждый сотрудник в свободной форме информировал коллег о своих

основных научных достижениях за прошлый год, отвечал на вопросы. Предварительно на сайте института были размещены тезисы всех выступлений. Конференция продолжалась три дня, присутствие на ней для всех сотрудников было обязательным.

4 июня 2020 г. Но думаю, что настоящее лето все же наступит, как и Ваш отпуск. Кстати, какой он продолжительности? Какая тема монографии, которую от Вас ждет начальство, когда она была запланирована? Написание монографий обязательно для всех преподавателей или только для выдающихся? Видите, сколько у меня вопросов, когда-нибудь ответите.

Дома у меня всё без изменений. Бережемся по возможности. Чего и Вам желаю. Нашелся ли кот?

26 июня 2020 г. Что касается оценки научного труда преподавателей по количеству статей, особенно в особенных журналах, то это сейчас повсеместная чиновничья практика. То же и у нас в Академии. Оценить по существу министерские чиновники не могут, оценивают количественно, прячась за иностранные «авторитеты». C'est la vie.

Спасибо за предложение обессмертить мои фотографии, но, на мой взгляд, они не имеют исторической ценности.

6 октября 2020 г. Вчера позвонила Ира Гончарова и поздравила с Днем учителя, о котором я никогда не помню. Вы тоже учитель, и я поздравляю Вас и восхищаюсь Вашим самоотверженным трудом в специфических мценских условиях. Давно Вы о себе ничего не сообщали. Напишите!

4 ноября 2020 г. Большое спасибо за Ваши оба поздравления, но сейчас я не могу пространно отвечать. Только что умер от ковида мой сын, да и сама я чувствую себя неважно. Извините. Всего Вам хорошего!

20 ноября 2020 г. Большое Вам спасибо за проявленную заботу о моем здоровье. Не знаю, есть ли эти лекарства в наших аптеках и как применяется этот набор — стандартно во всех случаях или как-то конкретно. В независимой печати и по независимому радио («Эхо Москвы») сообщают, что в Петербурге дефицит нужных при ковид лекарствах, губернатор объясняет это ажиотажным спросом про запас, как с гречкой весной. Но почему-то власти не ввели отпуск таких лекарств строго по рецептам. В России прекратили производство ртутных термометров, как опасных, если разобьются, и они совершенно исчезли из аптек. Берегите свой и сами берегитесь!

21 ноября 2020 г. Марина, забыл Вам написать, что лекарство, защищающее желудок от избытка лекарств — это ОМЕЗ (омепразол) капсулы. В добавление к написанному вчера — цитата из последнего номера «Новой газеты»: «Самые часто назначаемые препараты от ковида — фавипиравир, таваник, левофлоксацин, метипрел, азитромицин и др. с прилавков петербургских аптек исчезли около месяца назад». Реленза — это противогриппозный препарат.

29 декабря 2020 г. Вы пишете, что заразили маму коронавирусом (?), но дальше пишете о себе только как об ухаживающей за больной, а как же Вы сами?

Прошедший год был плохим и тяжелым. Остается надеяться, что следующий будет хоть немного лучше.

11 февраля 2021 г. Марина, с тяжелым чувством сообщаю еще одну новость. 6 февраля скончалась Лена Михайловна, моя жена.

Я тоже болел ковидом, но в легкой форме. Берегите себя и свою маму!

1 мая 2021 г. Я тоже поздравляю Вас с майскими праздниками, пусть хотя бы пара дней в Мценске будет с хорошей погодой. Я с интересом читаю Ваши длинные письма, но сам так длинно отвечать не в состоянии.

У нас конец апреля, и сегодня солнечно, но прохладно. Дачи у меня нет, поэтому не будет и дачного сезона. Может быть, пару раз съезжу в пригородные дворцовые парки. Когда-то у нас была дружная лыжно-байдарочная компания, летом каждый выходной мы отправлялись за город, в разные места, но сейчас, увы, многих уже нет на этом свете, а те, кто еще жив, болеют. В ближайшее время хочу побывать на выставке скульптур с музыкальным сопровождением.

8 мая 2021 г. Спасибо за второе празднично-весеннее поздравление, хотя погода и у вас, и у нас совсем не весенняя. За то что Вы написали книгу о Мценске, включая и период войны, Вам следует присвоить почетное звание «труженик тыла» наравне с теми, кто работал в тылу, помогая фронту. Такое звание имела и моя Лена Михайловна, которая трудилась на колхозных полях в Вологодской области, куда она с мамой и братом уехала из Ленинграда отдыхать, да так там они и остались на всю войну.

Вы написали, что Вашей маме нужно инвалидное кресло. Это инвалидная коляска на колесах? Жаль, что нет оказии из Петербурга в Мценск, а то бы я отдал Вам такую коляску, которой пользовалась Лена Михайловна. Она складывается, но надо иметь в виду, что весит она 19 кг. Напишите срочно: вдруг кто-то из ваших знакомых собирается ехать из Петербурга к Вам! Пока всего хорошего.

27 сентября 2021 г. С грустью и сочувствием к Вам прочитал ваше письмо. Не скажу, что в моем институте все всегда было интеллигентно чинно-благородно, академично, но, может, потому, что разного рода интриги меня лично вроде бы обходили стороной, может, поэтому вспоминаю свое шестидесятилетнее пребывание в этом учреждении с хорошим чувством. Хотя пришлось за это время пять лет быть председателем месткома профсоюза и десять лет заведовать одним из научных отделов. Особенно академичным периодом были 1960–1970-е гг., когда мое поколение, научная молодежь, находилось под авторитетным влиянием профессоров-корифеев, начинавших свою деятельность еще до революции. Мы, повзрослев и остепенившись, уже не были такими авторитетами для более молодых, а сейчас вообще контингент обновился процентов на восемьдесят. Впрочем, среди нового незнакомого племени есть очень даже способные, но создался ли коллектив, как в мои лучшие годы, — не знаю. К тому же пандемия разобщает.

Состояние Вашей мамы тревожное. Надо следить, чтобы варикозные язвы не стали гангреными, это грозит ампутацией. У меня два с лишним месяца тому назад начались такие же проблемы, правда, до язв дело не дошло. Конечно, я был у флеболога, но прописанные таблетки и гели не очень помогают. Недавно вакцинировался «Спутником». А Вы разве болели ковидом?

4 ноября 2021 г. Приятно, конечно, внимание бывших учеников. Вот, например, в начале октября напомнили мне о Дне учителя Гончарова, Букалова, Аверичева. Но такие большие письма-отчеты только от Вас. Может, в отличие от меня Вы быстро набираете текст, но все же время отнимает. Поэтому жду от Вас вестей только к Новому году.

4 декабря 2021 г. Грустная новость о кончине тургеневского дуба. В интернете поместили его снимок с вырванными корнями. Ужасное зрелище. Я много раз бывал в Спасском, хорошо представляю это место в парке. По-моему, из подходящей ветки упавшего дерева или из его желудя надо посадить новый дуб, который будет сыном погибшего, и начнется новый отсчет столетий. А рядом под стеклом пусть будет большая, не менее двух метров фотография здорового дуба-отца.

9 декабря 2021 г. Дорогая Марина, очень, очень огорчен Вашим сообщением о смерти мамы. Очень тяжело жить одному, знаю это теперь и по себе. Немного помогают друзья, если они есть, и любимая работа, если она есть. И еще немного помогут живые существа — котики в вашей квартире, если они ласковые. Когда-то это неизбежно случается — близкие люди уходят, но это не утешение, и ноющая память, то затихая, то усиливаясь никогда не исчезает. С этим придется жить. Крепитесь. Хороший Вы человек. Владимир Николаевич.

1 января 2022 г. Здравствуйте, Марина! Спасибо за новогоднее поздравление и описание урока литературы. В прошедшем году у Вас и у меня случились невосполнимые потери, поэтому новый год никак не может быть хуже ушедшего. 2022-й год будет, наверное, годом тяжелого привыкания к изменившимся жизненным обстоятельствам. Мне тоже не хватает живого человека рядом, его не заменит большой плюшевый тигр. Надеюсь, никому в голову не придет мне его дарить. А Вы, оказывается, хорошая кулинарка. Я же Новый год никак не встречал: не включал телевизор, ничего не ел, хотя в холодильнике было чем полакомиться; вскоре после двенадцати принял снотворное и хорошо выспался. Если моя давняя приятельница справится с простудой, то тогда придет, и мы отметим.

Что касается Карелии, то этот регион мне хорошо знаком: несколько раз плавал там с компанией на байдарках. Довелось загорать и плавать на южном берегу Белого моря и еще на многочисленных озерах, протоках и речках, однажды против течения навстречу лесосплаву, увертываясь от плывущих бревен.

Посылаю две фотографии. Это виды из двух окон моей квартиры с высоты 12-го этажа. Было время, когда я почти прямо от подъезда становился на лыжи, но последний раз это было четыре года тому назад.

6 января 2022 г. Добрый предрождественский вечер, Марина! Примите поздравление от атеиста буддистке с православным Рождеством! Мне звонили и поздравляли Ира Гончарова, Светлана Букалова и Оксана Аверичева. Светлана, в частности, сказала, что некоторое время тому назад она встретила главного начальника вашего филиала Евгения Жарких (фамилию запомнил неточно), и он очень положительно и тепло о Вас отзывался. Пусть это будет для Вас приятной рождественской новостью. Пока всего хорошего. Владимир Николаевич.

6 февраля 2022 г. Здравствуйте, Марина! Завтра мне исполняется 90 лет, и Ваше очередное послание я рассматриваю как подарок ко дню рождения. Во вторник 8 февраля на заседании нашего Ученого совета меня поздравят, за этим действием мне рекомендовали наблюдать удаленно по ЗУМу. На сайте нашего института, если Вы сможете его найти (СПБНИИ РАН) тоже обо мне кое-что написано³⁰.

8 марта 2022 г. Добрый, но скорее недобрый вечер, Марина. Понимаете, конечно, почему я так написал. Но женщин надо все-таки поздравить, потому что они хотят, чтобы их любили, и почти все достойны этой любви. Желаю Вам всего самого хорошего!

23 апреля 2022 г. Перечитал Ваши послания мне начиная с марта. Нескучная жизнь у Вас на работе! А вот что касается Ваших увлечений Кореей и Италией, то это советую тщательно скрывать от посторонних, особенно мужского пола. Вряд ли в Мценске найдется такой интеллеktуал, который решится иметь знакомство с женщиной со столь разносторонними интересами. Да и в столицах таких особей надо еще поискать. Правда, избыточную интеллектуальность кто-нибудь может более-менее принять, если ее сопроводить удачно запеченной в духовке уткой.

Сегодня в Петербург приехала на неделю для работы в РГИА и Публичной библиотеке моя бывшая аспирантка Светлана Букалова. Она собирает материал для докторской. Тема приблизительно — гос[ударственная] помощь семьям мобилизованных и инвалидам в годы Первой мировой войны. Вы ее знаете? Она защитилась в 2005 г.

Мы запланировали встречу у меня. Еще одна встреча должна состояться летом: Ира Гончарова хочет показать Петербург своему подростку сыну. Может, и Вы как-нибудь соберетесь (с деньгами) и тоже приедете. Тогда тоже встретимся. Хотя это для Вас очень проблематично, понимаю.

6 мая 2022 г. Здравствуйте, Марина! Похоже, Вы на меня обиделись. Напрасно. Я Вам очень сочувствую и, может быть, в не очень удачной форме хотел кое от чего Вас предостеречь. Если бы моя жена пыталась по вечерам читать мне вслух маловразумительную корейскую военную повесть, я бы взбунтовался и, не желая из-за этого разводиться, попытался бы найти какие-то другие общие интересы, например, в возделывании разных культур в общем огороде. Так, было время, когда мы на даче у родственников на выделенных нам грядках

разводили клубнику, при этом я не принуждал жену читать мои научные сочинения, написанные тут же около грядок.

В прошлую субботу, 30 апреля, была у меня Светлана Букалова. Несколько часов проговорили на разные темы, потом поужинали моими полуфабрикатами; я отдал ей несколько книг по тематике ее будущей докторской, в тот же вечер она уехала в Орел.

29 мая 2022 г. В январе скончалась бывшая сотрудница нашего института, с которой у меня были очень близкие товарищеские отношения. Передо мной на столе последний сборник ее избранных статей, к которому я написал предисловие³¹. Это было еще в 2014 г. На сборнике дарственная надпись: «Владимиру Николаевичу, не только коллеге, но и доброму другу». А сейчас я пишу ее краткую научную биографию, она будет помещена на сайте института среди прочих таких же биографий ушедших из жизни сотрудников³². Придет время, и кто-нибудь так же напишет и про меня. Надеюсь, это произойдет не очень скоро.

25 сентября 2022 г. У меня тоже проблемы. То ли это последствия давнего ковида, перенесенного в легкой форме, то ли непонятно что: сонливость, встаю поздно, поздно завтракаю, поздно обедаю, поздно ложусь спать. В результате успеваю только себя обслуживать. А на полках много интересных книг, научных и беллетристики, задуманная статья не начата; написал только для институтского сайта научную биографию одной недавно умершей коллеги. Недавно сходил в свой институт, посидел в качестве слушателя на одной из секций конференции в связи с 250-летием Сперанского, пообщался с некоторыми из бывших коллег. На днях полтора часа обсуждал по телефону со своей бывшей аспиранткой Светланой Букаловой, по ее просьбе, план ее будущей докторской диссертации об организации социальной помощи семьям мобилизованных на Первую мировую войну, раненым и беженцам.

5 февраля 2023 г. Я на «заслуженном отдыхе», на днях мне исполняется 91 год. По сравнению с девяностолетием самочувствие не изменилось: более-менее. Придут внуки.

13 декабря на Ученом совете Института сделал без бумажки сорокаминутный доклад о своем учителе профессоре С. Н. Валке по случаю его 135-летия. Посылаю фото³³. Возможно, продолжу специальную научную операцию.

12 мая 2023 г. Здравствуйтесь, Марина! Спасибо за поздравление по случаю 9 Мая. Я помню отдельные эпизоды того военного времени: два раз пережил бомбежки в городе Ельце (тогда он был в Орловской области, сейчас в Липецкой).

Потом полуголодная жизнь в эвакуации в г. Кыштым Челябинской области, в 1944 г. переезд из Кыштыма в освобожденный Орел, там я поступил в шестой класс и окончил десятилетку. 1949–1954 гг. — учеба на истфаке ЛГУ, затем двухгодичная работа в школе по распределению опять на Урале, потом аспирантура в Ленинградском отделении института истории СССР Академии наук,

после нее окончательно стал ленинградцем. Такие вот основные вехи моей жизни до 1960 г. В Орле оставалась овдовевшая мама, поэтому связь с Орлом у меня не прерывалась, поэтому там в какой-то год мы с Вами и встретились.

Пока всего хорошего. Владимир Николаевич.

18 октября 2023 г. Здравствуйте, Марина. Прошу извинения за долгое молчание: было неважное самочувствие, плохие новости о тяжелой болезни брата, который живет в Белоруссии, неожиданная смерть бывшей коллеги по моему институту³⁴, мрачная питерская осень...

4 января 2024 г. Еще раз извините за задержку с ответом и еще раз большое спасибо за поздравление и беспокойство по поводу моей задержки. Как-то перестал делать то, что надо делать сразу. Впрочем, я и раньше отвечал Вам не сразу, и как-то мне сходило это с рук. Вот вчера поздно вечером сел за компьютер писать Вам ответ, но тянуло холодом из незаконопаченного окна, и я отложил это на сегодня, а тут Вы и позвонили.

Из 12 защитившихся моих аспирантов только Вы и еще Ирина Гончарова, Светлана Букалова и Оксана Аверичева поддерживают со мной связь. Больше всего общения у меня с Вами, и я это очень ценю.

Пока всего хорошего, здоровья и творческих успехов в наступившем и последующих годах.

Владимир Николаевич

Из личного архива М. В. Ковалевой

¹ См.: Куликов С. В. Гинев Владимир Николаевич // Летопись в лицах. URL: <https://spbiiiran.ru/colleague/persons/ginev-vladimir-nikolaevich/>

² Ленинградское отделение Института истории АН СССР создано 29 марта 1936 г., в 1968 г. преобразовано в Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР В 1992 г. ЛОИИ АН СССР преобразован в Санкт-Петербургский филиал Института российской истории РАН. В 2000 г. институт получил самостоятельность и в соответствии с Постановлением Президиума РАН № 188 от 27.06.2000 г. приказом по институту № 1 от 3 января 2002 г. переименован в Санкт-Петербургский институт истории РАН.

³ Имеется в виду Институт российской истории Российской академии наук (ИРИ РАН).

⁴ Информацию об истории архива, его структуре, научно-справочном аппарате можно почерпнуть в соответствующем разделе интернет-сайта СПбИИ РАН. URL: <https://spbiiiran.ru/institute/structure/scientific-and-historical-archive/>

⁵ В частности, в 1967 г. московским Институтом истории АН СССР было подготовлено следующее издание: История Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1967. 671 с.

⁶ Информацию о рецензиях см.: Библиография работ В. Н. Гинева // Гинев В. Н. Реформаторы и революционеры в российских реалиях и отечественной историографии. Вторая половина XIX века — 1918 год. Избранные статьи. М.; СПб., 2018. С. 397.

⁷ В. Н. Гинев имеет в виду, что Ленинградский институт истории (ЛОИИ АН СССР) был отделением московского Института истории АН СССР.

⁸ Информацию о рецензиях см.: Библиография работ В. Н. Гинева. С. 399, 401.

- ⁹ См.: *Гинев В. Н.* Из жизни ЛОИИ 1980-х гг.: «Библиотека революционных мемуаров». Идея и воплощение // *Петербургский исторический журнал*. 2016. № 1. С. 247–262.
- ¹⁰ Реформы или революция? Россия, 1861–1917. СПб., 1992. 394 с.; *Анатомия революции 1917 г. в России: массы, партии, власть*. СПб., 1994. 443 с.; *Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций: 1861 – февраль 1917 г.* СПб., 1997. 639 с.; *Gesellschaft als lokale Veranstaltung. Veranstaltung. Selbstverwaltung. Assoziierung und Geselligkeit in den Städten des ausgehenden Zarenreiches / Guido Hausmann (Hrsg.)*. Göttingen, 2002.
- ¹¹ См.: *Валк С. Н.* Избранные труды по историографии и источниковедению: научное наследие. СПб., 2000. 662 с.
- ¹² См.: Архив СПбИИ РАН. Русская секция. Колл. 12. Коллекция Археографической экспедиции («Акты П. М. Строева»). 1400–1723 гг.
- ¹³ См.: Гетман Иван Мазепа: Документы из архивных собраний Санкт-Петербурга. Вып. 1. 1687–1705. СПб., 2007. 253 с.
- ¹⁴ См.: Батуринский архив и другие документы по истории Украинского гетманства 1690–1709 гг. СПб., 2014. 480 с.
- ¹⁵ См.: Путешествие братьев Демидовых по Европе: письма и подневные Журналы, 1750–1761 годы. М., 2006. 511 с.
- ¹⁶ См.: Петербург в эпоху Петра I: Документы в фондах и коллекциях Научно-исторического архива Санкт-Петербургского института истории: каталог. СПб., 2003. 787 с.
- ¹⁷ См.: Документы по истории Венгрии в Научно-историческом архиве Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук = *Hungarica iratok az oroszországi tudományos Akadémia Szentpétervári történelmi intézetének levéltárában*: каталог. СПб., 2008. 103 с.
- ¹⁸ *Гинев В. Н., Климанов Л. Г., Победимова Г. А.* Российская и зарубежная история в документах Научно-исторического архива СПбИИ РАН // *Сокровища академических собраний Санкт-Петербурга*. СПб., 2003. С. 411–448.
- ¹⁹ Из истории «Земли и Воли» и «Народной воли». Споры о тактике. Сборник документов. М.; СПб., 2012. 751 с.
- ²⁰ Владимир Николаевич Гинев уволился из института 2 июня 2018 г.
- ²¹ Здесь и далее ОГУ — Орловский государственный университет.
- ²² Цехновичер Леонид Яковлевич (1929–1996), доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Орловского государственного университета в 1981–1996 гг.
- ²³ См.: *Гинев В. Н.* Размышляя над трилогией // *Ленинградская правда*. 1968. 2 июля.
- ²⁴ См. подробнее: *Гинев В. Н.* Революция и нравственность в исторической памяти через 50 лет после Октября 1917 г. (Спектакль театра «Современник» по пьесе М. Шатрова «Большевики») // *Гинев В. Н.* Реформаторы и революционеры... С. 386–394.
- ²⁵ Конференция с названием «Непролетарские партии России в трех революциях» прошла в Орловском государственном педагогическом институте 15–17 мая 1985 г.
- ²⁶ См.: *Гинев В. Н.* Выборы в волостное земство в 1917 г.: либеральные ожидания и неоднозначная реальность // *Петербургский исторический журнал*. 2018. № 1. С. 117–138.
- ²⁷ 6–7 декабря 2018 г. прошла международная научная конференция «Император Александр II: личность и эпоха. К 200-летию со дня рождения Е. И. В.».
- ²⁸ Центральный парк культуры и отдыха им. С. М. Кирова на Елагином острове.
- ²⁹ См.: Библиография работ В. Н. Гинева. С. 395–413.
- ³⁰ См.: Владимиру Николаевичу Гиневу — 90 лет. URL: <https://spbiiran.ru/ginev-v-n-90/>
- ³¹ См.: *Гинев В. Н., Цамутали А. Н.* Валерия Антониновна Нардова в Санкт-Петербургском институте истории РАН // *Нардова В. А.* Городское самоуправление в России во второй половине XIX — начале XX в.: Власть и общество. СПб., 2014. С. 3–8.
- ³² См.: *Гинев В. Н.* Нардова Валерия Антониновна // *Летопись в лицах*. URL: <https://spbiiran.ru/colleage/persons/nardova-valeriya-antoninovna/>
- ³³ См.: К 135-летию со дня рождения Сигизмунда Натановича Валка. URL: <https://spbiiran.ru/zasedanie-135-let-s-n-walk-2022/>
- ³⁴ 7 октября 2023 г. скончалась Зоя Васильевна Дмитриева (1946–2023), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела древней истории России СПбИИ РАН.

References

Ginev V.N. Vyборы v volostnoe zemstvo v 1917 g.: liberal'nye ozhidaniya i neodnoznachnaya real'nost' [Elections to the Volost Zemstvo in 1917: Liberal Expectations and Ambiguous Reality. In Russ.]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2018. No. 1, pp. 117–138.

Ginev, V.N. Iz zhizni LOII 1980-kh gg. "Biblioteka revolyutsionnykh memuarov". Ideya i voploshchenie [From the Life of the Leningrad Institute of Historical and Cultural Studies in the 1980s. "Library of Revolutionary Memoirs". The Idea and Implementation. In Russ.]. In *Peterburgskii istoricheskii zhurnal*. 2016. No. 1, pp. 247–262.

Ginev, V.N. *Reformatory i revolyutsionery v rossiiskikh realiyakh i otechestvennoi istoriografii. Vtoraya polovina XIX veka — 1918 god: izbrannye stat'i* [Reformers and Revolutionaries in Russian Realities and National Historiography. Second Half of the 19th Century — 1918: Selected Articles. In Russ.]. Moscow; St. Petersburg, Al'yans-Arkheo publ., 2018. 423 p.

Ginev, V. N., Klimanov, L. G., Pobedimova, G. A. Rossiiskaya i zarubezhnaya istoriya v dokumentakh Nauchno-istoricheskogo arkhiva SPbII RAN [Russian and Foreign History in the Documents of the Scientific and Historical Archive of the St. Petersburg Institute of the Russian Academy of Sciences. In Russ.]. In *Sokrovishcha akademicheskikh sobranii Sankt-Peterburga*. St. Peterburg, Nauka publ., 2003, pp. 411–448.

Ginev, V. N., Tsamutali, A.N. Valeriya Antoninovna Nardova v Sankt-Peterburgskom institute istorii RAN [Valeria Antoninovna Nardova at the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences. In Russ.]. In Nardova, V. A. *Gorodskoe samoupravlenie v Rossii vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v.: vlast' i obshchestvo*. St. Petersburg, Liki Rossii publ., 2014, pp. 3–8.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

**И. В. Гончарова, М. В. Друзин, М. В. Ковалева. В. Н. Гинев. Автобиография. Из писем // Петербургский исторический журнал. 2026. № 1. С. 184–217.
DOI: 10.51255/2311-603X_2026_1_184**

Аннотация: Публикуются мемуары и фрагменты писем последнего десятилетия жизни видного советского и российского историка народничества и волостного самоуправления Владимира Николаевича Гинева (1932–2025). В автобиографических заметках В. Н. Гинев вспоминает детские годы, проходившие в тяжелое время Великой Отечественной войны, эвакуацию, послевоенные годы в Орле, обучение в Ленинградском университете и аспирантуре ЛОИИ АН СССР. Подробно освещена работа над основными историческими трудами В. Н. Гинева. Отдельно автор останавливается на своих отношениях с КПСС и марксистско-ленинской идеологией. Возглавляя десять лет Архив СПбИИ РАН, В. Н. Гинев раскрывает историю складывания архивных коллекций, проблемы, встававшие перед архивом в 2000-е гг. Отдельное место в воспоминаниях занимают его преподавание в 1990–2010-е гг. в Орловском государственном университете и руководство аспирантами. Хронологически автобиографические воспоминания продолжают публикуемые выдержки из писем В. Н. Гинева к своей ученице по Орловскому университету М. В. Ковалевой за 2015–2024 гг. В письмах встречаются мемуарные свидетельства о разных этапах жизни Владимира Николаевича. В письмах он продолжает участвовать и следить за жизнью СПбИИ РАН, как современник фиксирует изменения в научной жизни страны и все тяготы жизни человека на склоне лет.

Ключевые слова: Владимир Николаевич Гинев, историк, автобиография, воспоминания, ЛОИИ, СПбИИ РАН, Архив СПбИИ РАН, советская историческая наука.

FOR CITATION

I. V. Goncharova, M. V. Druzin, M. V. Kovaleva. V. N. Ginev. Autobiography. From letters // Petersburg Historical Journal, no. 1, 2026, pp. 184–217. DOI: 10.51255/2311–603X_2026_1_184

Abstract: This publication features memoirs and excerpts from letters from the last decade of the life of Vladimir Nikolaevich Ginev (1932–2025), a prominent Soviet and Russian historian of populism and volost self-government. In his autobiographical notes, Ginev recalls his childhood during the difficult times of the Great Patriotic War, his evacuation, his postwar years in Oryol, and his studies at Leningrad University and graduate school at the Leningrad Branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences. Ginev's work on his major historical works is covered in detail. The author also explores his relationship with the Communist Party of the Soviet Union and Marxist-Leninist ideology. As head of the St. Petersburg Institute of Historical Studies (SPbIHI RAS) Archive for ten years, Ginev reveals the history of the archive's collections and the challenges it faced in the 2000s. His teaching at Oryol State University in the 1990s–2010s and his supervision of graduate students also occupy a special place in his memoirs. The chronological autobiographical memoirs continue with excerpts from letters from V.N. Ginev to his student at Oryol University, M.V. Kovaleva, written between 2015 and 2024. The letters contain memoirs about various stages of Vladimir Nikolaevich's life. In them, he continues to participate in and follow the life of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, documenting, as a contemporary, the changes in the country's scientific life and all the hardships of life in one's later years.

Key words: Vladimir Nikolaevich Ginev, historian, autobiography, memoirs, Leningrad branch of the Institute of History of the USSR Academy of Sciences, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Archive of the St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, Soviet historical science.

Автор: **Гончарова, Ирина Валентиновна** — д. и. н., ведущий научный сотрудник НИИ государственной политики и управления отраслевой экономикой Государственного университета управления (Москва, Россия).

Author: **Goncharova, Irina Valentinovna** — Dr of Sci. in History, Leading Research Fellow, Research Institute of State Policy and Sectoral Economy Management, State University of Management (Moscow, Russia).

E-mail: 79208195393@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-7532-8751

Автор: **Друзин, Михаил Викторович** — к. и. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН (Санкт-Петербург, Россия).

Author: **Druzin, Mikhail Viktorovich** — PhD in History, Senior Research Fellow, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia).

E-mail: mdruzin@mail.ru

ORCID: 0000-0002-5862-310X

Автор: **Ковалева, Марина Вячеславовна** — к. и. н., доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Мценского филиала Орловского государственного университета им. И. С. Тургенева (Мценск, Россия).

Author: **Kovaleva, Marina Vyacheslavovna** — PhD in History, Associate Professor of the Department of General Education Disciplines of the Mtsensk Branch of the Oryol State University named after I. S. Turgenev (Mtsensk, Russia).

E-mail: marigurd@yandex.ru